

Пандемия коронавируса и бессилие интеллектуалов

Происходящая на наших глазах мобилизация человечества против угрозы пандемии коронавируса, несомненно, демонстрирует впечатляющие примеры акций солидарности. К ним относятся и повсеместные выступления интеллектуалов.

В самом деле, обратившись к медиа и социальным сетям, мы можем в целом констатировать, что интеллектуалы из различных регионов мира берут слово – не будем обсуждать здесь, делают ли они это, потому что им задают соответствующие вопросы или же они выступают спонтанно, – чтобы с прямо-таки необычайной для этого круга скоростью и частотой выражать свои мнения по поводу актуальной кризисной ситуации. При этом бросается в глаза и готовность интеллектуалов, обычно сдержанных в том, что касается «предсказаний», давать смелые прогнозы о тех тяжелых последствиях, которыми пандемия Covid-19 чревата для будущего человечества и жизни на нашей планете.

Разумеется, для сдерживания пандемии и лечения вызванных коронавирусом заболеваний факт этих выступлений интеллектуалов не слишком значим. Да и его воздействие на фактический «ход вещей» в наших обществах также может вызывать сомнения. Но я полагаю, что тем, кто считает себя интеллектуалами, по меньшей мере было бы полезно взять на себя труд поразмыслить над этими высказываниями. Предлагаемые рассуждения представляют собой попытку объяснить, почему.

Если мы рассматриваем выступления интеллектуалов в ходе нынешнего кризиса как свидетельство вовлеченности и ответственности, то их поведение, вне всяких сомнений, заслуживает похвалы и признания. Как кажется, это говорит о том, что интеллектуалы, а среди них в особенности философы, таким синхронным участием в текущих публичных дискуссиях о пандемии коронавируса хотели бы опровергнуть знаменитый вердикт своего коллеги Гегеля, лапидарно гласивший, что философия в силу той задачи, которую она

выполняет («быть мыслью мира»), всегда приходит слишком поздно для того, чтобы сказать, каким должен быть ход исторического мира.

Кроме того, можно было бы признать и следующее: активное участие интеллектуалов в актуальной дискуссии о коронавире кризисе останется значительным явлением, даже если мы обнаружим, что оно соответствует образу действий, вписывающемуся в логику определяющих для нашей эпохи структурных характеристик. Я имею в виду, говоря несколько метафорически, «атмосферное» давление, вынуждающее к глобальному «присутствию», которому способствует растущая цифровизация социальных процессов и коммуникации и которое как своего рода еще более строгий, чем кантовский, «категорический императив» заставляет сегодня интеллектуалов как можно быстрее подавать свой голос на дискуссионных площадках, чтобы быть «видимыми».

Но задача этих коротких размышлений не состоит ни в оценке заслуги, которая действительно может быть признана за массовым участием интеллектуалов в публичных дебатах по поводу коронавире кризиса, ни в рассмотрении возможных оснований, объясняющих эту вовлеченность.

Скорее, мой интерес вызывает следующий вопрос: что благодаря этому свидетельству интеллектуальной вовлеченности мы можем узнать о ее собственном субъекте (то есть о так называемом «scientific community»*, понимаемом здесь прежде всего как сообщество социологов, философов и теологов)? Это именно та задача, на которую намекает мой выбор заглавия для этих рассуждений. Оно резюмирует мое (еще ожидающее объяснения) впечатление, что своими оценками и анализами коронавире кризиса интеллектуалы, даже если они идут «окольным путем» объяснений актуальной пандемии, говорят в первую очередь о самих себе, точнее, о том состоянии, в котором оказалось их собственное мышление благодаря грубой реальности коронавире пандемии. В дальнейшем я попытаюсь объяснить это впечатление.

* Научное сообщество (англ.).

Прочтя работы, которые, с моей точки зрения, можно считать репрезентативными для выступлений интеллектуалов из различных регионов мира на тему пандемии Covid-19, например изданные на испанском языке сборники «Sopa de Wuhan»^{*1}, «Covid 19»² или «Capitalismo y Pandemia»^{**3} – все три доступны в сети, я вынес впечатление, что высказывания их авторов, как правило, можно рассматривать как свидетельства фонового латентного опыта потери дара речи и, соответственно, бессилия. С этой точки зрения они больше скажут об актуальном состоянии мышления этих авторов, чем о ситуации с коронавирусом и о том, каким образом люди сталкиваются с ней в своей повседневной жизни. Таким образом, вышеупомянутый вопрос: «Что говорит то, что говорят интеллектуалы о кризисе Covid-19, о них как об интеллектуалах?», мотивирующий и объясняющий появление этих размышлений, получает парадоксальный ответ. Я имею в виду мое впечатление, что это свидетельство вовлеченности интеллектуалов свидетельствует также и против своих субъектов, поскольку позволяет выявить определенное фоновое бессилие их мышления в отношении «слишком человеческих» нужд людей в эпоху коронавирусного кризиса.

Для обоснования своего впечатления я хотел бы кратко прояснить три момента. Но чтобы избежать возможных недоразумений, я прежде укажу на то, что эти наблюдения я излагаю в качестве побуждения к совместному самокритичному осмыслению нашей ситуации как интеллектуалов. Иными словами: мои наблюдения не преследуют цель выступить с громким «J'accuse»,^{***} а приглашают к коллективной самокритике, и именно в надежде на то, что мы, интеллектуалы, поразмыслим о том, как мы воспринимаем нашу

* Уханьский суп (исп.).

¹ Этот сборник содержит среди прочих работы Джорджо Агамбена, Алена Бадью, Джудит Батлер, Жана-Люка Нанси и Славоя Жижека.

² В сборнике среди прочих опубликованы доклады Леонардо Боффа и Бьюн-Чул Хана.

** Капитализм и пандемия (исп.).

³ Здесь мы найдем среди прочих высказывания Эммануэля Кочча, Энрике Дусселя, Арундати Рой и Фернандо Саватера.

*** Я обвиняю (фр.).

«службу», и спросим себя, не пора ли именно сейчас продемонстрировать во благо человечества большую аутентичность при «несении нашей службы».

Во-первых, я должен пояснить, что мое впечатление восходит к поразительной констатации, что высказывания о ситуации пандемии коронавируса тех авторов, которые в международном научном сообществе являются признанными авторитетами в своих дисциплинах, по сути дела, повторяют анализы и ракурсы, взятые из тех теорий, которые давно известны, более того, из теорий, которые десятилетиями причисляются к «всеобщему достоянию» критического мышления (да и менее критического также!), теперь, впрочем, с претензией сказать нечто новое. Например: что у капитализма есть границы; что распространение либерального и собственнического индивидуализма означало истощение духа солидарности; что мы переживаем кризис цивилизации потребления, которая максимально форсирует безжалостное уничтожение природы; что (как следствие этой цивилизационной модели) подорваны основания равновесия жизни; или даже – возможно, как общий горизонт вышеприведенных тезисов – что идея патриархального и нарциссического антропоцентризма Запада является последней причиной актуального кризиса. А на экзистенциальном уровне можно было бы добавить мысль, что ранимость и хрупкость конститутивны для конечных «*conditio humana*»^{*} и поэтому пришло время переориентировать наши общественные порядки на ценности взаимной заботы и общего блага.

Разумеется, ни повторение считающихся хорошими идей, ни апелляция к традициям, в критическом и ориентационном потенциале которых многие все еще убеждены даже (и именно) в наше время, сами по себе еще не являются признаком бессилия или растерянности. Наоборот, это может быть признаком мудрости. Следовательно: не апелляция к известным идеям, а тот способ, каким эта апелляция осуществляется, вызывает мое впечатление бессилия. И здесь я отнюдь не имею в виду часто встречающееся замалчивание происхождения идей – ведь о нем можно второпях позабыть или счесть не заслуживающим

* Условия человеческого существования (лат.).

упоминания. Я имею в виду то обстоятельство, что апелляция, как представляется, выполняет субститутивную функцию: использование уже известных идей заменяет *усилие, направленное на сохранение внимания* (Гегель сказал бы здесь об усилении понятия) к тому, что выносится на поверхность кризисом Covid-19, в особенности в его измерении как кризиса привычек повседневной жизни и эмоциональной стабильности миллионов человек. Так, эта апелляция показалась мне своего рода лицензией (новой формой гегелевской хитрости разума?) на то, чтобы в этот период «чрезвычайного положения» не откладывать в сторону любимившиеся идеи и теории, а стало быть, на то, чтобы избежать необходимости *взять паузу*, дабы поразмышлять о том, что «происходит», самостоятельно и/или без предвзятого познавательного интереса. Я полагаю, что прежде всего в кризисных ситуациях мышлению приходится «открывать глаза и сердце», а стало быть, занимать позицию, позволяющую затрагивать и обсуждать то, что происходит вокруг нас и в нас самих. Некоторые философы называли это «интерпелляцией» к другому. В этом направлении движутся мои слова о «паузе», с которой я связываю первую обязанность «службы» интеллектуалов.

Разумеется, исполнять эту обязанность нелегко! Согласен. Вне всяких сомнений, это требует усилия, которое может и должно до глубины души *тревожить* нас как людей и как интеллектуалов. Но это элементарная заповедь интеллектуальной честности. Для прояснения моего мнения здесь достаточно двух нижеследующих взаимосвязанных мотивов. Во-первых, поскольку ее исполнение конкретизируется в тревожном процессе обучения, связанном с позицией «позволения-себя-затронуть», в том смысле чтобы попытаться «оказаться на месте современников», «на своей шкуре» ощущающих последствия кризиса, вызванного пандемией коронавируса. И, во-вторых, поскольку это «видение» кризиса, исходящее из забот и страхов страдающего Другого, предоставляет нам продиктованный самой жизнью критерий для принятия решения, приемлема ли при поиске идей и путей для преодоления кризиса апелляция к нашему теоретическому «резерву»; но также и для оценки

жизнеспособности идей, на которые мы делаем ставку в качестве ответов на кризис, в зависимости от того, взяты они из «резерва» или являются новыми.

Я сказал, что два эти основания взаимосвязаны, поскольку они, собственно, представляют две стороны одного и того же движения. Но я бы хотел сделать акцент прежде всего на первом моменте. Ведь он указывает на то, что, с моей точки зрения, действительно важно: интеллектуалы должны отказаться от желания становиться «наставниками» и вместо этого направляться в те места, где ощутим пульс жизни, чтобы там, «держа на нем руку», искать ответы на угрозы, проявляющиеся в жизненной ситуации «угнетенного творения» (Маркс).

Далее, я хотел бы коротко остановиться на следующем пункте. Он вытекает из всего предыдущего.

Впечатление бессилия, о котором я говорю, объясняется в том числе и теми местами, где обитают говорящие о коронавирусной пандемии интеллектуалы: университеты, исследовательские институты, фонды... то есть места, не только гарантирующие своим доцентам и исследователям высокий уровень экономической безопасности, но и, к тому же, обеспечивающие им широкое признание. Кроме того, и я хотел бы здесь это подчеркнуть, это места, в которых «проблемы людей» как правило исследуются как «вопросы», которыми интересуются и по которым высказываются, но от которых, однако, экзистенциально очень далеки. И эта экзистенциальная дистанция между местами, в которых мы, интеллектуалы, как правило, размышляем, и повседневной жизнью людей также является для меня объяснением той самой растерянности, проявляющейся, например, тогда, когда мы говорим и пишем о преимуществах «домашнего ареста» для размышления о «существенном» в жизни. Ведь, зададим риторический вопрос, не означают ли такие «советы» вопиющее непонимание жизненных условий и витальных тревог подавляющего большинства людей, которые уже теперь лично ощущают последствия пандемии коронавируса, то есть тех, кто уже потерял свое собственное здоровье и своих родных и друзей, свое жилище и свою работу, или тех, кто

боится все это потерять? Не отражают ли такие «советы» также и непонимание эмоциональной хрупкости «угнетенного творения» и силы, которая может высвободиться в сомнительных условиях «домашнего ареста»? Полагаю, что это так. И поэтому я заявляю: чтобы преодолеть наше бессилие, мы, интеллектуалы, нуждаемся в кардинально более качественных теоретических ресурсах, но столь же необходимо искать те места, которые подчинят нашу «службу» требованию истины и истинности (Игнасио Эльякуриа).

В заключение – третий пункт.

Всем философам известен инициированный Эдмундом Гуссерлем феноменологический поворот. Его девиз гласил: «Назад к самим вещам».

Я напоминаю здесь об этом потому, что многие выступления по поводу коронавирусного кризиса, бесспорно, также можно рассматривать под знаком этого поворота. Однако они показывают и то, что в этом отношении не сделано. Поиск новых мест, необходимых для преодоления часто испытываемого нами бессилия перед проблемами людей в их повседневности и совместной жизни, означал бы поворот, который дополнит тезис «назад к самим вещам» обращением к нашим современникам как к конкретным лицам. Ведь как живые партнеры по диалогу, они незаменимы для нашего понимания того факта, что «существенное» для смысла жизни отнюдь не обязательно должно проявляться в каком-то экстраординарном опыте. Оно точно так же может обнаружиться во время обеденного перерыва, проведенного с «сорайн»*, с которым мы вместе чистим вокзальный холл.

Рауль Форнет-Бетанкур

Международная школа межкультурной философии, Аахен / Барселона

(www.eifi.one)

* Приятель (фр.)